

Чжуан Лин сидел хмурый и недовольный, храня затянувшееся молчание.

Ивэй, находившийся до этого на улице, уже успел разузнать обо всём от Цзячу. Столкнувшись в дверях с покинувшим комнату Хань Фэном — тот уходил, почтительно согнув спину, — он немедленно отправил слугу в княжеское поместье с расспросами.

Сад Сюэ находился неподалёку от княжеской резиденции, так что вскоре снаружи слышались голоса — кто-то прибыл с докладом.

Скользнув взглядом по лицу хозяина и заметив, что молодой господин глубоко ушёл в свои мрачные думы, Ивэй бесшумно выскользнул за дверь.

— Цзячу, — глухо позвал Чжуан Лин.

У того внутри всё похолодело, но он быстро опомнился и отвесил глубокий поклон, коснувшись лбом пола:

— Слушаю, господин.

— Впредь, кого бы ни пожелал принять твой хозяин, не смей вести их во внутренний двор, — неторопливо произнёс Чжуан Лин. В его ровном голосе не угадывалось ни гнева, ни милости. — В саду Сюэ сейчас слишком много лишних ушей. Завтра я пришлю сюда Ивэя с людьми, а ты хорошенько введи их в курс дела.

Подобные мелочи обычно не требовали личного участия Чжуан Лина, однако у Хань Хэна не было женщины, способной взять на себя управление домом. Тётушка Юнь... Он задумчиво потёр пальцы, его мысли неслись стремительно. Эту вдову он подыскал лично, однако теперь, судя по её намёкам и поступкам, она действительно привязалась к Хань Хэну как к родному сыну и строила планы на его счёт.

Подумав об этом, Чжуан Лин подался вперёд и смерил холодным взглядом стоявшего на коленях слугу:

— Держи ухо востро. Из Сада Сюэ не должно просочиться ни единого лишнего слова. И когда бы Сюэ Юнь ни оставалась с ним наедине — слушай внимательно, о чём они говорят.

Чжуан Лин от природы отличался крайней подозрительностью, и мимолётная встреча Хань Хэна с Чжуан Янем окончательно лишила его душевного равновесия. Его старший брат, пускай мягкотелый и покладистый, не обладал той броской, хищной красотой, что досталась ему, однако умел очаровать беседой. В нём сквозило то самое благородное изящество, которое так ценится среди утончённых книжников.

Вспомнив недавний дерзкий, почти яростный порыв Хань Хэна, Чжуан Лин невольно коснулся

губ кончиком пальца. Он так неистово впился в его губы, что теперь ощущал в них острую боль. Да и у самого Хань Хэна они наверняка припухли от этого поцелуя.

Чжуан Лин едва заметно улыбнулся.

Но эта улыбка не принесла Цзячу облегчения — напротив, по его спине пробежал ледяной озноб. Его молодой господин славился своей беспощадностью. Расправляясь с неугодными, он никогда не выказывал жалости — лишь улыбался с холодным, издевательским любопытством.

В столице каждый, кому доводилось иметь дело с законным наследником князя Жуя, знал: больше всего стоит бояться именно тех минут, когда юный принц выказывает благодушие и приветливость.

В этот момент вернулся Ивэй. Подойдя ближе, он склонился к уху Чжуан Лина и вполголоса доложил о результатах расспросов.

Чжуан Лин мгновенно сжал губы и помрачнел от гнева. Он повернул голову и вперил пронзительный взгляд в распластавшегося на полу Цзячу.

— Молодой господин... — не углубившись в объяснения, дрожащим голосом выдал Цзячу.

— За этим Хань Фэном установи слежку, — приказал Чжуан Лин. — Близко не подпускай его к Хань Хэну. Фиксируй каждый его шаг и ежедневно докладывай мне.

С этими словами Чжуан Лин, сидевший на краю постели в свободной, властной позе, вдруг смягчился лицом. Его пальцы бережно скользнули по шелковому одеялу и расшитым золотом простыням, на которых каждую ночь спал Хань Хэн.

«А он умеет устраиваться с комфортом», — мысленно усмехнулся юный принц.

Наконец-то все партитуры для Башни Слушания Лебедей были завершены, и Хань Хэн мог позволить себе заслуженный сон.

Едва сгустились вечерние сумерки, как он наспех поужинал и велел слугам приготовить горячую ванну.

Собранные служанками за день алые цветочные лепестки ярким ковром устлали воду в огромной дубовой бадье. Хань Хэн заперся в купальне один, отослав прочь всех слуг.

Сам по себе он вовсе не возражал против того, чтобы его мыли красивые девушки, но печальный пример Цинтан, которую сослали обратно в глухую деревню, до сих пор стоял перед глазами. Держаться подальше от местных красавиц казалось разумной мерой предосторожности. Хотя нравы нынешней эпохи были куда свободнее, чем во времена династий Мин или Цин, бережёного бог бережёт.

Горячая вода приятно покалывала кожу, заставив Хань Хэна блаженно застонать. Он откинул голову на бортик купели, не в силах шевельнуть и пальцем. Его длинные угольно-черные волосы рассыпались по водной глади, напоминая струящийся драгоценный шелк.

Вспомнив ошарашенное лицо Чжуан Лина во время их дневного разговора, Хань Хэн довольно прищурился. В какую бы эпоху он ни попал и в каком бы теле ни очутился, его природное обаяние действовало безотказно.

«И почему я раньше не задумывался? — лениво размышлял он. — В прошлой жизни я годами оставался закоренелым холостяком... Похоже, меня попросту никогда не тянуло к женщинам».

Будучи Пэй Цзя в своей прошлой жизни, если уж ему кто-то приглянулся, он шёл напролом. Он готов был расшибиться в лепёшку в границах приличия и, точно назойливый страховой агент, бежать за понравившимся человеком вслед, вымаливая хотя бы пять минут внимания.

Он приоткрыл глаза, сквозь томную пелену вглядываясь в высокий, теряющийся в полумраке сводчатый потолок купальни. От горячей воды поднимались белесые клубы пара, наполняя комнату густым цветочным ароматом.

Для мужчины благоухать цветами считалось делом не слишком мужественным. Но Пэй Цзя всегда обожал уход за собой. Ради белизны кожи в прошлой жизни он умудрялся принимать молочные ванны, каждый вечер накладывал маски, а перед выходом на улицу наносил защитный крем.

В этой жизни ему, конечно, пришлось поумерить аппетиты. К тому же из-за постоянного приёма горьких снадобий от него вечно пахло аптекой — этот резкий запах напрочь перебивал любые ароматы.

Хань Хэн не мылся нормально уже несколько дней, и теперь наслаждался каждой секундой, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу до самых кончиков пальцев.

Блаженно вздыхая, он закинул ногу на край бадьи. Стройная белая голень, гладкая, словно выточенная из первоклассного нефрита, показалась из воды. Хань Хэн задумчиво перебирал пальцами цветочные лепестки на своей гладкой коже, точно играл на невидимых клавишах.

Если бы не уродливые шрамы, обезобразившие его лицо, никто бы не усомнился, что перед ним — прирождённый искушитель.

Стоявший за дверью Чжуан Лин почувствовал, как к лицу внезапно прильнула горячая кровь. Справившись со смущением, он поспешил убратся прочь и направился в спальню Хань Хэна, решив подождать его там.

Спустя некоторое время Хань Хэн, окутанный облаком тёплого пара, вошёл в спальню, на ходу вытирая мокрые волосы мягким полотенцем. Чжуан Лин с самым невозмутимым видом сидел на его кровати, небрежно оперевшись на одеяло и неторопливо листая какую-то книгу.

Не зная Хань Хэн коварного и переменчивого нрава этого человека, он наверняка залюбовался бы столь живописной картиной.

— Что так долго? Прямо как девица на выданье, — хмыкнул Чжуан Лин, отложив книгу и провожая взглядом приближающегося Хань Хэна.

Тот шёл босиком, лишь придерживая деревянные шлёпанцы-гэта. Его изящные бледные ступни казались почти прозрачными, под тонкой кожей у щиколоток угадывались синеватые ниточки вен.

— Откуда у тебя столько свободного времени? — сонно проворчал Хань Хэн, усаживаясь на край постели. — Явился днём, теперь пришёл ночью... Сразу предупреждаю: не донимай меня сегодня. У меня впереди две недели суматохи. Не хочешь помогать — хотя бы не мешай.

Усталость валила его с ног. Ещё в купели он едва не уснул, и лишь остывшая вода заставила его вылезть. С его хилым телом простудиться и слечь сейчас было бы непозволительной роскошью.

— И какая же помощь тебе требуется? — оживился Чжуан Лин.

То, что Хань Хэн сам заговорил об этом, было ему лишь на руку: крепкая взаимная привязанность и долг признательности свяжут их куда надёжнее любых уловок.

— Сам вызвался, — пробормотал Хань Хэн. Подавшись вперёд, он ухватил юношу за лацканы халата и легонько потряс, попутно бесцеремонно ощупав его крепкую грудь. — Мужское слово крепче кремня, так что у меня всё записано. Когда придёт время просить об услуге — только попробуй пойти на попятную.

От этих неловких движений просторный банный халат Хань Хэна распахнулся, обнажив ключицы.

Чжуан Лин опасно прищурился.

Однако разомлевший после ванны Хань Хэн соображал туго. Будь он пободрее, ни за что не стал бы так рисковать, даже пребывая Чжуан Лин в самом благодушном расположении духа.

Перехватив запястье Хань Хэна, Чжуан Лин сжал его ладонь в своей. Тонкие, длинные пальцы казались хрупкими, почти детскими. В памяти юного принца против воли всплыло иное видение: эта же изящная рука бережно держит покрытый золотой вязью лаковый ларец, поднося его к священному алтарю.

А следом в ушах зазвучал гордый голос Хань Хэна, бросившего ему тогда в лицо: «Забудь о том, кем я был прежде. Я не стану ничьей тенью — даже собственной».

Чжуан Лин на мгновение растерялся, запутавшись в собственных мыслях. Поддавшись безотчётному порыву, он поднёс ладонь юноши к лицу и осторожно прикоснулся губами к кончикам его прохладных пальцев.

Заметив на шее Хань Хэна тонкий алый шнурок, Чжуан Лин ловким движением поддел его мизинцем, вытягивая наружу старую нефритовую подвеску в виде свинки.

Он едва заметно усмехнулся. Дыхание его стало прерывистым и горячим. Воспользовавшись тем, что Хань Хэн окончательно уснул, приоткрыв рот, Чжуан Лин запустил руку под полы его халата. Нашупав влажную ткань исподнего, он без церемоний стянул с беззащитного юноши лишнюю одежду.

Хань Хэн недовольно поморщился во сне, но так и не проснулся.

Затаив дыхание, Чжуан Лин жадным взглядом окинул его тело, которое они заботливо выхаживали последний месяц. Раны Хань Хэна изначально не были глубокими, однако то, с какой скоростью его кожа вновь обрела безупречную, чистую гладкость нефрита, поражало. Избалованный, нежный баловень судьбы. В глазах принца промелькнула мимолётная смесь раздражения и собственнического азарта; пальцы, лежавшие на груди юноши, сжались чуть крепче обычного.

Хань Хэн вздрогнул, сонно отмахнулся от навязчивого прикосновения и, поглубже зарывшись в одеяло, повернулся на бок. Лицо его, покрытое шрамами, оставалось неподвижным, но он инстинктивно натянул одеяло до самого подбородка, словно опасаясь, что его лишат тепла.

Глубоко вздохнув, Чжуан Лин подавил искушение растолкать его и просто лёг рядом, хозяйски приобняв за талию. Хань Хэн недовольно поворочался, устраиваясь поудобнее, и затих. Лишь тогда уязвлённое самолюбие молодого принца улеглось, уступив место странному покою.

Он закрыл глаза.

Слишком много забот навалилось на него в последнее время. С одной стороны — плетущий интриги императорский двор Бэйшо, с другой — старший брат, который вот-вот должен был занять пост великого маршала. К тому же сегодня стало известно, что рядом с Хань Хэном крутится какой-то внезапно объявившийся родственник — тот самый мальчишка, которого

совсем недавно пытались подложить в постель самому Чжуан Лину. Это заставило его насторожиться. Быстрая проверка подтвердила подозрения: за последние дни в столицу тайно проникли люди, которым здесь явно было не место.

Неужели северяне из Бэйшо решили натравить своих ищеек на Великую Лян, пользуясь моментом? Судьба Южной Чу уже решена, и предсказанная великая смута, похоже, начинает являть миру свои когти. Чжуан Лин не мог позволить личным привязанностям помешать его планам. В этой шахматной партии он намеревался выйти победителем, чего бы это ни стоило.

Хань Хэн в его объятиях метался и стонал во сне. Ни одна живая душа не знала, что почти каждую ночь его преследовали жуткие кошмары.

Великая смута, пожирающее плоть пламя, реки крови и истошные крики гибнущих людей — эти видения казались пугающе осязаемыми, терзая его измученный разум.

К утру воспоминания о кошмарах обычно таяли, а бесконечная череда дневных хлопот окончательно выбивала их из головы. Хань Хэну было попросту некогда размышлять над ночными призраками.

Спустя несколько дней Хань Хэн окончательно убедился, что Хань Фэн — прирождённый танцор. Его тело обладало невероятной гибкостью, а бросакая красота и алое родимое пятно в форме лепестка пламени меж бровей буквально завораживали зрителей.

Хань Хэн не питал к юноше тёплых чувств, хотя и сам не мог объяснить причину этой неприязни. Тем не менее он рассудил здраво: если Хань Фэн не станет строить козни, то получит свою долю славы и золота. Во время репетиций Хань Хэн не только неусыпно следил за каждым движением труппы, выправляя рисунок танца, но и примечал способных учеников, которых можно было бы переманить в Башню Слушания Лебедей.

Старшая танцовщица ежедневно докладывала о каждом его шаге Му Жаню.

С негромким щелчком срезанный бутон алой камелии упал в расписную чашу с водой.

— Что ж, полагаю, мне никак нельзя пропустить это представление, — раздался бархатный мужской голос.

Танцовщица, стоявшая на коленях у порога, даже не решалась поднять головы. Услышав незнакомца, она поспешно склонилась до самой земли и трепетно произнесла:

— Приветствую великого князя Нин-вана.

— Я же просил тебя помалкивать, — с притворной досадой отозвался Му Жань. — Перепугаешь мне девуку, где я потом другую найду? Или думаешь, в нашей Башне дела и без того идут блестяще?

— Моя вина, почтенный хозяин башни, запомятовал, — со смешком отозвался Нин-ван.

— То-то же. Помнится, в прошлом месяце ты обещал прислать шкатулку отборного речного жемчуга, а её до сих пор и след простыл.

Раздался весёлый, раскатистый смех княжеского дяди, а следом послышался приглушённый перезвон сталкивающихся фарфоровых пиал — похоже, за ширмой завязалась шутливая потасовка.

Поняв намек, танцовщица поспешно поклонилась и выскользнула из покоев. Проходя мимо Дин Му, стоявшего у дверей с потемневшим от злости лицом, она услышала резкий хруст. Оглянувшись, девушка увидела, что юноша сжимал в руках бамбуковую метелку для пыли — та переломилась пополам под его пальцами. Очевидно, он собирался прибраться в комнате, но не решался войти из-за присутствия высокопоставленного гостя.

<http://bllate.org/book/20487/2214325>